

ЧТО ТАКОЕ ИНСТИТУТ?

(опыт институциональной эволюции)

ТАРАСЕВИЧ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономики
Национальной металлургической академии
Украины (Днепропетровск)
Электронный адрес: v_tarasevich@list.ru*

«... Цепочка причин и следствий в развитии человеческой культуры, равно как и кумулятивные изменения самого человеческого поведения, вызванные привычной деятельностью людей, представляют собой вопросы более захватывающие..., чем метод логического рассуждения, согласно которому индивид всегда поддерживает баланс между удовольствиями и страданиями при данных условиях...»

Т. Веблен.

Ограниченность теории предельной полезности

Опираясь на эволюционные методы, автор рассматривает становление и развитие институтов в примитивных и эпохах неолита. Анализируется преобразование инстинктов в протоинституты и протоинститутов в институты. Институт определяется как синергетическое единство инстинктивного, протоинституционального и строго институционального компонентов.

Ключевые слова: институты; инстинкты; трансакционные издержки; протоинституты; эволюция.

Basing on activity and evolutionary methods, the author considers becoming and development of institutes in primitive and Neolithic epochs. The transformation of instincts to protoinstitutes and protoinstitutes to institutes is analyzed. The institute is determined as synergetic unity of instinctive, protoinstitutional and strictly institutional components.

Keywords: institutions; instincts; transaction costs; protoinstitutes; evolution.

Коды классификатора JEL: B52, D02.

Научное определение любой категории является не столько текстуальным, сколько контекстуальным. С одной стороны, сама категория выбирает и формирует адекватный себе контекст. К примеру, теоретическое пространство трудовой стоимости оказалось чуждым и не привлекательным для предельной полезности, и она сформировала свое

собственное. С другой стороны, контекст формирует и определяет смысл категории, позволяя не только его понять, но и объяснить, не только постулировать, но и вывести. Разные контексты формируют соответствующие нетождественные смыслы данной категории и таким образом обогащают ее содержание независимо от того, являются ли они взаимозаменяемыми, конкурирующими или взаимодополняемыми. Так, различия в определениях института в работах Дж. Серла, Дж. Ходжсона, В. Ефимова (*Серл* 2007, 5–27; *Ходжсон* 2007, 28–48; *Ефимов* 2007, 49–67) во многом проистекают из различий избранных ими исследовательских контекстов — аналитико-философского, методолого-терминологического и интерпретативно-эмпирического соответственно. В настоящей статье представлена попытка использования деятельностно-эволюционного научного контекста для *выведения, объяснения и определения* категории «институт». С этой целью привлекаются необходимые материалы первобытной и неолитической истории человечества.

РЕТРОСПЕКТИВА

«Старому», или классическому¹, институционализму и его прямому наследнику — новому институционализму принято отказывать в приверженности *строгой* методологии, наличию основополагающей теории и зрелого методического инструментария². Но изначальный бунт против ортодоксии, *размытость гносеологического контекста* и отсутствие привычного собственного «жесткого ядра» способствовали свободному творческому поиску и появлению в его результате ряда перспективных теоретико-методологических находок. *Прежде всего*, опираясь на некартезианскую прагматическую философию, Т. Веблен, Дж. Коммонс и У. Митчелл акцентировали внимание на поведенческой роли во многом иррациональных привычек и инерции, избрав таким образом объектом изучения не только *homo institutus*, но и целостного человека, а следовательно, — экономику «в контексте». *Во-вторых*, институт становится базовой категорией. Правда, определение института Т. Вебленом как привычного образа мышления людей, который имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго (*Веблен* 1984, 202), вряд ли напоминает коллективную деятельность, призванную контролировать индивидуальную деятельность, т. е. определение института Дж. Коммонсом. Но корректно ли упрекать родоначальников в различии трактовок, если институт изначально был призван отразить настолько богатую реальность, что требуемый уровень универсальности его идентификации не достигнут и по прошествии столетия³? Риторический вопрос.

В-третьих, «все институты, — писал Т. Веблен, — можно в той или иной мере назвать экономическими институтами. И это неизбежно, поскольку точкой отсчета служит органическая целостность всех мыслительных стереотипов, сформированных в прошлом...» (*Veblen* 1961, 72–73). В этом фундаментальном положении узнаваема идея взаимодействия и глубокого взаимопроникновения сфер человеческой жизне-

¹ Предложенный А. Московским термин «классический» представляется более содержательным, ибо именно в работах родоначальников институционализма на рубеже XIX–XX веков были сформулированы базовые постулаты самостоятельного направления мировой экономической мысли.

² По мнению Дж. Ходжсона, «в период между двумя мировыми войнами институционализм был фактически господствующей школой американской экономической мысли. Он уступил место неоклассическому формализму отчасти по той причине, что пренебрег задачей разработки собственной основополагающей теории» (*Ходжсон* 2003, 52–53).

³ Например, Дж. Ходжсон определяет институт и как долговечную систему сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям (*Ходжсон* 2003, 11; *Ходжсон* 2007, 42), и как социальную организацию, которая посредством традиции, обычая или правовых ограничений формирует долговременные рутинизированные схемы поведения (*Ходжсон* 2003, 37). Как видим, в представленных определениях различий не меньше, чем сходных черт.

деятельности. Это означает, что экономические институты универсальны, могут иметь преимущественно неэкономическое происхождение, а любой экономический феномен в той или иной мере институционален.

Неоинституционализм имеет вполне *определенный гносеологический контекст* и потому небезосновательно рассматривается как обобщенный неоклассический подход (Шаститко 2003, 34). На наш взгляд, его становление и развитие является результатом двуединого процесса: неоклассического империализма и неэкономического ответа на его вызовы. Последний проявляется, в частности, в прорыве «защитной оболочки» неоклассики и коррозии ее «жесткого ядра». Соответственно неоинституционализм может быть представлен в качестве формы и результата движения противоречия между узко рационалистической методологией неоклассики и неадекватными ее эвристическому потенциалу объектами. Пытаясь освоить последние, подчинить их своему «уставу», она постепенно теряет собственную идентичность.

Разумеется, сущностного перерождения пока не произошло. Неоклассике удается удерживать институты на службе *homo oeconomicus*, предпочитающему спонтанный порядок организованному. В чем это выражается? *Прежде всего*, само определение институтов как «правил игры» (Д. Норт), набора неформальных и формальных норм и механизмов принуждения к их исполнению, подчеркнуто операционально и функционально. В таком виде они значимы лишь для объяснения поведения *экономических* субъектов и влияния на принимаемые ими решения относительно эффективности использования ресурсов. Поэтому практически исчерпывающими выглядят информационная и распределительная функции институтов.

Во-вторых, весь набор норм и правил выстраивается по камертону рациональности как «супернормы». Поэтому те или иные институты выступают и предпосылкой рационального поведения экономического субъекта, и результатом выбора последним из наличного набора опять же по критерию рациональности. *В-третьих*, альтруистическое, или жертвенное, поведение (Ходжсон 2000, 40) остается вне поля зрения неоинституционалистов. Неформальные нормы изучаются преимущественно в формализованном виде и оцениваются в координатах экономических издержек и выгод.

И все же, несмотря на приверженность «жесткому ядру» неоклассики, неоинституционализм ей не тождественен. Не без влияния классического институционализма ему удается наблюдение за экономическим субъектом не только через неоклассическую призму. В результате у последнего обнаруживаются некоторые новые качества: он обретает определенную систему прав собственности, осваивает статус системно устроенной организации со своими рутинными, обменными, контрактами; жизненно важными для него становятся не только традиционные показатели — цена, издержки, прибыль, но и трансакционные издержки, качество, штрафные санкции, соблюдение контракта и т.д. (Шаститко 2003, 33). Хотя эволюция институтов рассматривается преимущественно в виде процесса формализации неформальных норм, это — шаг вперед в сравнении с ортодоксальной равновесностью.

Итак, сила и слабость классического и нового институционализма проистекает из отсутствия у него точно очерченного контекста, достаточно строгой и завершенной методологии в не меньшей мере, чем сила и слабость неоинституционализма — из наличия таковых (картезианско-неоклассических).

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Эмпирический анализ табу, культов, ритуалов, обрядов, обычаев, привычек, традиций, норм, правил, рутин, принципов и других артефактов, непосредственно связываемых с институтами, делает правомерным предположение об их *универсум-*

ном происхождении и содержании (Тарасевич 2004, 48–51). Органически вплетаясь в экономическую, экологическую, социальную, духовную и политическую сферы универсума, *субстанционально* институты не могут быть определены как только лишь экономические, экологические, социальные, духовные или политические. Разумеется, невозможно отрицать наличия институтов собственно экономических, но и они не существуют иначе, как в универсумном темпоральном пространстве.

Поскольку институты универсумны, а универсум институционален, искомый гносеологический контекст должен быть и сомасштабным универсуму, и приложимым к его отдельным сферам, прежде всего, экономической. На наш взгляд, указанным требованиям близка творческая составляющая теории человеческой деятельности и деятельностного подхода, которая активно развивается не только в экономической науке, но и в современной философии, психологии, социологии⁴ и отвечает постнеклассическим научным стандартам саморазвития и самоорганизации, неустойчивости и нелинейности, междисциплинарности и открытости. Как известно, именно эти стандарты адекватны изучению сверхсложных человекоразмерных систем универсумного типа. Поскольку жизнедеятельность является и способом их упорядочения, и способом существования человека, то вполне правомерной представляется гипотеза *о жизнедеятельности как субстанции, основании и среде институтобразования*, а следовательно, и *о принципиальном соответствии универсумики⁵ институтов универсумике жизнедеятельности*. Разумеется, не исключается самостоятельное изучение институциональной среды и оснований самой жизнедеятельности.

Разработка указанной гипотезы предполагает опору на некоторые исходные понятия и постулаты. В *жизнедеятельности* с известной долей условности можно выделить две ключевые взаимосвязанные составляющие: *поведение* и *деятельность*. В поведении необходимо различать собственно поведение (поведение в узком смысле) и поведение человека (поведение в широком смысле). *Собственно поведение* — это цепь реакций биологического организма на внешние и внутренние раздражители, причем каждое последующее действие определяется предыдущим и наступает с его окончанием. Такое поведение *досознательно и бессознательно*, а потому представляет собой совокупность инстинктов, безусловных и условных рефлексов, реакций, стереотипов, установок и иных врожденных и генетически наследуемых психофизических образований.

Поведение человека — это, прежде всего, его активность как *биологического* вида, и в этом смысле отвечает стандартам собственно поведения. Но оно неизбежно несет на себе печать многотысячелетней трансформации в *деятельность* и соответствующей социализации человека, а потому включает не только усложненное бессознательное, но и *чувственно-сознательное*, а также адекватное ему *подсознательное* на-

⁴ По мнению Л. Хольцмана, концептуальный каркас философской теории деятельности, заложенный К. Марксом, Л. Выготским и Л. Витгенштейном, настолько современен, что способен активизировать, «одеятельностнить» постмодернизм (Хольцман 2006, 24–34). Хотя Э. Гидденс не отрицает, что социальные институты формируются в ходе регулярной практической деятельности и под влиянием последней (Ходжсон 2000, 210), в западной социологии в целом, в отличие от отечественной, деятельностный подход изначально более функционален. Так, в «редакции» того же Э. Гидденса он вполне применим для соединения господствующих и конкурирующих структуралистской и феноменологической парадигм общественной динамики. По мнению В. Тамбовцева, это позволяет существенно приблизить его к позициям неинституциональной экономической теории (Тамбовцев 2004, 115–116). Претендующая на анализ реального экономического поведения людей *behavioral economics*, была бы невозможной без фундаментальных исследований в области когнитивной психологии. Дж. Ходжсон убежден в необходимости разработки «такой теории человеческой деятельности, которая не опиралась бы существенно или тем более исключительно на рационалистические механизмы и предпосылки» (Ходжсон 2000, 159).

⁵ В данном случае термином «универсумика» обозначены универсумное строение и структура сверхсложной системы человеческих институтов.

чала человеческого духа. Порождая деятельность и оставаясь самим собой, поведение под влиянием своего детища становится иным.

Деятельность — это сознательное и целенаправленное изменение, преобразование человеком универсума (природы и общества) и самого себя. «Классическая наука и ее методология абстрагируется от деятельностной природы субъекта, в неклассической эта природа уже выступает в явном виде, в постнеклассической она дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности» (Степин 2003, 15) и самой деятельности. В этом постнеклассическом контексте содержание и строение человеческой деятельности представляется более сложным, чем предполагал К. Маркс. При ближайшем рассмотрении оказывается, что марксов конкретный труд двойственен. С одной стороны, он является *опредмечивающим* трудом, создающим потребительные стоимости (продукты). С другой стороны, конкретный труд есть *очеловечивающий* труд, создающий самого человека. Очеловечивание (распредмечивание) означает превращение определений объекта, условий, процесса и результата труда в том виде, в котором они существуют в себе и для себя, в сущностные силы человека, овладение человеком их скрытыми свойствами. Это и есть *собственно деятельность*.

Поскольку и опредмечивание, и очеловечивание являются не только производством конкретных свойств и характеристик продукта и сущностных сил человека соответственно, но и требуют вполне определенных затрат физиологической и духовной энергии человека, то наряду с *конкретной* составляющей важно выделять и составляющую *абстрактную*, прообразом которой является марксов труд вообще.

Далее. С одной стороны, целенаправленное *непосредственное опредмечивание* в сфере производства продукта (материальное производство) сопровождается *опосредованным очеловечиванием*, ибо, производя продукт, человек развивает собственные сущностные силы. С другой стороны, *непосредственное очеловечивание* (самоочеловечивание и взаимоочеловечивание) в сфере производства человека (нематериальное производство или социальная сфера) сопровождается *опосредованным опредмечиванием*.

Наконец, современные реалии позволяют различать в самом опредмечивании по крайней мере две составляющие: классическую *искусственно опредмечивающую* (продуктообразующую), то есть формирующую искусственную природу, и *естественно опредмечивающую*, или природовоспроизводящую, экологическую; а в очеловечивании — *социоочеловечивание* (в образовании, науке, политике, социальном обеспечении, культуре) и *биоочеловечивание* (в медицине, физической культуре, спорте). Более конкретными формами очеловечивания являются духовная, социальная, политическая и институциональная деятельность.

Таким образом, человеческая деятельность предстает как сложная система составляющих и их взаимосвязей. Но реальный человек целостен, и вне единства сознательного бес- и подсознательного начал не существует. Его поведение является деятельностным, а деятельность — поведенческой. Поэтому каждая составляющая, элемент, акт деятельности, так же как и поведения, жизнедеятельностны.

Жизнедеятельность *упорядочивает* универсум и общество, противостоит их чрезмерной хаотизации, обеспечивает повышение уровня их самоорганизации и негэнтропийности⁶. Но какая из ее составляющих функционально в большей мере, чем иные,

⁶ Упорядочение включает ряд взаимосвязанных базовых блоков: ограничивающий, функционирования, развития, управляющий, коммуникации, легитимационный. Каждый из них формирует соответствующие типичные составляющие. Например, упорядочение, как функционирование, предполагает сохранение, фиксацию, упрочение и оптимизацию. Разрешение, запрещение, ограничение, санкционирование являются необходимыми элементами упорядочения, как ограничения. Возможны различные сочетания указанных составляющих (Подробнее см.: *Тарасевич 2002*).

«ответственна» за упорядоченную самоорганизацию и саморазвитие? Правомерно предположить, что — *институциональная*, непосредственным результатом которой являются *институты как определенные порядки и способы, механизмы упорядочения жизнедеятельности*⁷, как *средоточие ее сознательного, бес- и подсознательного начал*. Жизнедеятельность способна упорядочивать универсум в той мере и постольку, в какой мере и поскольку упорядочивается посредством институтов.

Институциональной составляющей жизнедеятельности присущи все жизнедеятельностные атрибуты (средства, предметы, цель, субъекты, объекты, процесс, функции, результаты и т. д.), а ее взаимодействие с иными составляющими рождает соответствующие *базовые* институты (например, экономические институты непосредственного естественно опредмечивания, социальные институты опосредованного искусственно опредмечивания, духовные институты непосредственного самоочеловечивания и т. д.), которые выступают ключевыми элементами институциональной универсумики и институциональной архитектоники⁸.

Институциональная *универсумика* представляет собой безусловную (безотносительно к каким-либо особым условиям и предпосылкам) и полную совокупность институтов, а также их непосредственных и опосредованных системообразующих взаимосвязей⁹. Институциональная *архитектоника* является неотъемлемой составляющей институциональной универсумики, но, в отличие от нее, включает только непосредственно системообразующие институты и их взаимосвязи, состав которых зависит от вполне определенных условий и предпосылок. К примеру, институциональная архитектоника переходной экономики не может быть аналогична архитектонике экономики развитой. Архитектонике имманентны генетические, автопоэтические, коэволюционные, коммуникативные и эпигенетические взаимосвязи институтов, обеспечивающие ей большую степень стройности, строгости и завершенности, но менее значимые параметры сложности в сравнении с универсумикой. Следовательно, институциональная архитектоника систем универсумного типа может быть не вполне соразмерной уровню их сложности, а потому и отражать ее не вполне адекватно.

ИНСТИНКТЫ

Хорошо известный факт обращения А. Смита, А. Маршалла, Дж. М. Кейнса, М. Фридмана, Ф. Хайека для разработки своих теорий к иррациональным по своей природе феноменам бессознательного, прежде всего инстинктам, может показаться парадоксальным лишь на первый взгляд. Чаще всего последние выступают в роли аксиом, исходных предпосылок и связующих блоков научного дискурса (*Ольсевич 1999, 68*). Тому имеются вполне рациональные объяснения. Вот пример. Инстинктивное поведение направлено на удовлетворение базовых, витальных потребностей живого существа. Экономическая же наука изучает в том числе и *способы* удовлетворения указанных человеческих потребностей, имея в виду, в первую очередь, производство

⁷ По мнению Дж. Мерфи, Аристотель разграничивал три типа упорядоченности в человеческой жизни: Природу, Обычай и Соглашение. Г. Шмоллер вполне в духе Аристотеля пояснял, что «под политическими, правовыми и экономическими институтами мы понимаем особый... порядок общественной жизни, направленный к определенной цели и обеспечивающий устойчивые рамки для непрерывной деятельности» (*Ананьин 2005, 99, 116*).

⁸ Очевидно, институты подчинены диалектике общего, особенного и единичного. Так, традиции, обычаи, привычки, принципы и подобные им институты по своей природе универсумны и всеобщы, но в различных сферах, например, экономической, проявляются особым образом, а экономические акторы, как их индивидуальные носители, демонстрируют уникальные формы и способы их реализации. Кроме того, институты «одновременно и предопределены... обществом, и являются следствием деятельности каждого из индивидов. Налицо диалектика общего и единичного» (*Нуреев 2007, 75*).

⁹ О системообразующих взаимосвязях подробнее см.: *Тарасевич В. (2002). Экономическая синергетика: концептуальные аспекты // Экономика и прогнозирования. № 4. С. 56–69.*

соответствующих благ. Поэтому вполне логичны предположения о влиянии тысячелетиями эволюционировавшего инстинктивного поведения на осознанную человеческую деятельность, а тем более — на человеческое поведение.

По мнению П. Сорокина, непосредственной причиной всякой *революции* всегда было *увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения*, а также невозможность даже минимального удовлетворения базовых потребностей. Репрессия инстинктов — пищеварительного, собственнического, самосохранения, полового, свободы, самовыражения и других — приводит к поспранию существующих социальных норм. К примеру, репрессированный пищеварительный инстинкт оказывает давление на те тормоза, которые удерживают человека от воровства, лжи и т.п. И тот, кто никогда не крал, становится вором и бандитом; кто всегда соблюдал закон, порывает с ним. Биологизированное человеческое поведение обрушивает существующий социальный порядок (Сорокин 1992, 268–294). Но и «реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам» (Сорокин 1992, 271).

Вспомогательными условиями — слагаемыми революционного взрыва П. Сорокин называет подавление у большинства людей их импульса к борьбе и соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта, потребности в свободе (Сорокин 1992, 273), иными словами, процессов *очеловечивания*, или *социализации человека*. Противоречие между уровнем реальных и потребных процессов очеловечивания, с одной стороны, и существующим порядком социализации биологического, в том числе инстинктов, с другой, обостряется всякий раз, когда формы его движения становятся все более неадекватными, а реформирование общественного порядка все более запаздывает. Антагонизм, как результат такого обострения и запаздывания, порождает революцию и снимается ею. Исторический процесс социализации человека предполагает формирование все более очеловеченного общественного порядка реализации его (человека) биологической природы.

С учетом вышеизложенного правомерным представляется вывод *о всеобщем влиянии бессознательных психофизических образований человека на его социальную природу и общественный порядок*.

Определенным образом указанный вывод подтверждается генетикой поведения и ее сравнительно новым направлением — генетикой личности. Так, достоверно установлено, что преимущественно генами, как биологическими носителями бессознательных психофизических образований и феноменов, определяется множество психологических и интеллектуальных качеств человека, в том числе активность и пассивность, мнительность и тревожность, экстравертность и интровертность, самостоятельность и зависимость, альтруизм и эгоизм, агрессивность, сексуальность. В значительной мере генетически детерминируемые считаются и такие, казалось бы, социально обусловленные особенности человека, как отношение к смертной казни, политические предпочтения (консерватизм, либерализм и т.д.), музыкальные вкусы (классическая, легкая или электронная музыка), предпочтительный вид отпуска, криминальное поведение. Доказано значительное генетическое влияние на различия между когнитивными особенностями взрослых индивидов. Существуют значительные генетические различия между социальными группами. Не исключено, что в ближайшем будущем будут установлены молекулярные особенности генов, приводящие к ярким поведенческим межэтническим различиям¹⁰.

Вышеизложенное свидетельствует о наличии особого *генного механизма* влияния психофизических образований человека на его социальную природу. Это означает, что успехи генной инженерии и расшифровка генома человека сулят большие возможно-

¹⁰ Подробнее см.: Вельков В. (2003). Куда идет эволюция человечества? // Человек. № 2. С. 16–26.

сти искусственного конструирования не только биологических, но и — посредством их — социальных характеристик человека. В поисках ответов на вопрос об оправданности подобных действий важно понять истоки и основания психофизических образований человека, с тем чтобы эксперименты с кроной не обернулись патологией или уничтожением корней человеческого существования.

Биологическая наука утверждает, что главными механизмами эволюции являются естественная (спонтанная) генетическая изменчивость и естественный отбор. В конечном итоге именно им обязаны своим появлением гоминиды. Изменчивость возникает из-за того, что при передаче генетической информации между поколениями в ДНК происходят случайные изменения в генах. Те организмы, которые из-за таких изменений оказываются более приспособленными к среде, выживают и размножаются. А менее приспособленные постепенно исчезают с лица Земли (*Вельков 2003, 16*).

Но почему происходят эти случайные изменения? Что является их субстанцией? Живой организм так или иначе реагирует на внешние и внутренние раздражители, ведет себя пассивно или активно, но в любом случае либо адаптируется к окружающей среде и к себе самому, либо погибает. Тот или иной тип, характер реакций, являющийся оптимальным результатом миллионкратного их повторения в различных вариациях, в конечном итоге запечатлевается в генах как биологических носителях. Разумеется, возможны и их случайные модификации. Но они являются результатом не каких-то потусторонних сил, а реального многообразия поведенческих актов организма. Следовательно, *инстинкты только потому упорядочивают собственно поведение, что являются его (поведения) имманентным историческим результатом и составляющей*. Собственно поведение является инстинктивным потому, что инстинкты суть поведенческие образования, результат эволюции и самоорганизации поведения. Вместе с поведением эволюционируют и инстинкты.

ПРОТОИНСТИТУТЫ

Как известно, в начале четвертичного периода в обострившейся конкуренции за ресурсы выживания австралопитеки оказались менее приспособленными к лесной жизни, чем человекообразные обезьяны, и были вытеснены в саванну (*Моисеев 1999, б*). Здесь они не вымерли, поскольку их поведение и система инстинктов продемонстрировали значительную эластичность к необходимым изменениям в совершенно иной среде¹¹. Усилившаяся вследствие обострения естественного отбора поведенческая активность австралопитеков интенсифицировала *удлинение цепочек инстинктивных реакций, их самосборки и комбинации*. Сложные взаимодействия инстинктов самосохранения, пищеварительного, продолжения рода, а также стадного инстинкта, который весьма силен уже у обезьян и прегоминид, выступили в качестве катализаторов охотничьего инстинкта австралопитеков и их более тесного объединения в стада (*Румянцев 1981, 65*). *Стадо* становится условием не столько размножения, как это было у обезьян, сколько выживания и экспансии, стихийно восполняя относительную слабость каждой отдельной особи. Стадное поведение австралопитека и, прежде всего, *охота* придали антропосоциогенезу новый импульс.

В хорошо известных фактах использования камней, палок, костей и других необработанных природных предметов, огня, примитивной организации загонной охоты на крупных зверей, устройства стоянок и жилищ, появления прямохождения, зародышей

¹¹ На наш взгляд, проявившаяся таким образом *закономерность большей эластичности к изменениям менее адаптированных субстанций и феноменов* характерна и для процесса институтообразования. В частности, в переломные эпохи ресурсы институциональной архитектоники могут быть недостаточны для выживания соответствующего общественного порядка, и решающую роль в его судьбе могут сыграть «неархитектоничные» элементы институциональной универсумики.

речи, роста объема мозга и других нужно видеть не только элементы *самоотрицания* естественного отбора и собственно поведения в *высшей* точке их развития в животном мире. Усложнение системы инстинктов и их взаимодействий достигает своего относительного предела, и дальнейший прогресс на основе существующей архитектоники инстинктов становится невозможным¹². Указанные факты свидетельствуют о разрывах в инстинктивных цепочках и появлении в этих разрывах, а также на границах самих цепочек *элементов*, а затем и *цепочек целенаправленных действий*, то есть *преддательности*, обеспечивающей более быструю и эффективную адаптацию. Цепочки инстинктивных реакций, в том числе с «вкраплениями» цепочек целенаправленных действий, представляют собой *метаповедение*, как переходную реальность между собственно поведением проточеловека и человеческим поведением. Интегрируя собственно поведение как относительно самостоятельную составляющую, *метаповедение* вместе с постепенно обретающей относительно самостоятельный статус *преддательностью* формирует *протожизнедеятельность*.

Протожизнедеятельность становится предпосылкой, условием и основанием постепенной трансформации стада в кровнородственную общину. В ней безусловно доминирует бессознательное, в которое вплетаются (вероятно, в начале гетерофобически, симбиотически, а затем и коэволюционно) зародыши сознательного. Жесткие инстинктивные реакции в начале дополняются, а затем постепенно вытесняются способностями гоминидов строить все более удлиняющиеся цепочки целенаправленных действий, то есть решать достаточно сложные ситуативные задачи, изобретая новые способы и порядок действий, адекватные новым условиям.

Это означает, что варианты указанных способов, порядка действий, например оборудования стоянки, *предварительно* возникают в нервном субстрате, а сами реальные действия осуществляются в соответствии с отобранным порядком или способом. Наиболее приемлемые и эффективные из них становятся привычными *стереотипами, образцами* или *паттернами*. Последние уже не исчезают бесследно с завершением действия, а «консервируются» в нервном субстрате до востребования и по сути становятся сущностной человеческой силой. Если общность или особь сталкивается с однотипными задачами, то решение не вырабатывается каждый раз заново, а «включается» как готовое. Таким образом, носитель, «вместилище» «копилки» паттернов остается прежним, обычным и для инстинктов — нервная ткань¹³, но сами паттерны, хотя первоначально и встраиваются в цепочку инстинктивных реакций, уже не являются собственно инстинктами.

Как продукты преддательности, паттерны известным образом направляют, регулируют, задают параметры организации, одним словом, *упорядочивают* ее и в этом смысле являются простейшими *прединститутами*, вернее, одной из их разновидностей. Результатом метаповедения выступают *метаинстинкты*, объединяющие собственно инстинкты и инстинкты с инкорпорированными в них паттернами. Взаимодействующие в процессе протожизнедеятельности *прединституты* и *метаинстинкты* образуют *протоинституты*¹⁴ и практически сливаются в них.

В отличие от инстинктов, прединституты и протоинституты как тотальность не закрепляются генетически, но изначально транслируются от особи к особи, от общности к общности, от поколения к поколению (генерационно) посредством нервной ткани.

¹² Не исключено, что отдельные инстинкты продолжают усложняться, в том числе под влиянием целенаправленных действий, а также в порядке компенсации ослабления других инстинктов.

¹³ Подробнее см.: Шалютин Б. (2003). Общество произошло от обезьяны. Проблемы начала и «верхней границы» антропосоциогенеза // Человек. № 3. С. 12, 14.

¹⁴ Конкретными видами протоинституты являются табу, культы, ритуалы, обряды, обычаи, привычки, традиции и другие артефакты, объединяющие не менее конкретные метаинстинкты и прединституты.

Субстратизируясь в нервной системе одного организма, они могут восприниматься и субстратизироваться в нервной системе другого организма посредством подражания и элементов обучения. Вероятно, важная роль в подобной трансляции принадлежит зарождающемуся *подсознательному*.

Таким образом, у предков современного человека, которые остаются биологически теми же животными, впервые в истории возникает и прогрессирует устойчивый надындивидуальный адаптационный механизм, не имеющий генетического закрепления (Шалютин 2003, 12) и опирающийся не на инстинкты, а на прединституты и протоинституты. Последние не возникают из «междумировых пространств», где, как известно, обитают боги Эпикура, а являются *результатом* сложнейшей и мало изученной *трансформации инстинктов*.

Взять, к примеру, протоинституты табуитета. К. Лоренц установил существование «инстинкта волка» у млекопитающих, которых природа наделила смертоносным оружием: если волк проигрывает в боях за самку, он подставляет свою шею победителю. И тогда последний сохраняет ему жизнь, необходимую для популяции. У предка человека такого инстинкта быть не могло, и поэтому изобретенные примитивные орудия стали использоваться в «рыцарских» схватках и войнах с иными общностями за кормовую территорию. Гибли, разумеется, не самые сильные, а самые умелые, но менее сильные. Умение найти нужный камень, обработать и превратить в орудие требует совсем иных качеств, чем умение использовать орудие в драке. В естественном отборе на уровне популяций побеждали те общности, которые сохраняли своих умельцев и, благодаря этому, обладали лучшими орудиями, более дисциплинированными «боевыми порядками» и т.д. (Моисеев 1999, 7; Моисеев 2000, 126). Так, в подавлении инстинктами самосохранения, пищеварительным и продолжения рода инстинкта агрессии по отношению к кровным родственникам, и утверждается важнейший протоинститут — *табу «не убий»*. Вероятно, именно преддеятельность обнажила и серьезную опасность инцеста для выживания общности кровных родственников и стимулировала появление соответствующего табу.

Изначально в протосоциальную общность включались не только особи, но и *тотем* — священные животные и/или растения. Связь табу и тотема является первоосновой выработки правил межобщинного обмена женщинами для продолжения рода, спорадического и хаотического обмена дарами природы, различных «родственных» обменов с окружающей средой (например, жертвоприношений, санкционирующих охоту) (Петров-Стромский 2000, 157), а также возникновения соответствующих *культов*. В контексте Большой истории *тотем — табу — культ* представляют важный *начальный* этап продолжающегося и поныне процесса ограничения и подавления институтами ненасилия инстинкта агрессии, институтами конкуренции — некоторых животных форм инстинкта состязательности, а более обобщенно — формирования институтов морали.

Протосоциальное подавление одних инстинктов сопровождается началом протосоциальной «канализации» иных. Так, «слитность» некоторых видов и операций преддеятельности с отдельными членами общности свидетельствует о том, что над собственническим инстинктом надстраиваются или на границах его цепочки появляются зародыши отношений собственности — личного и коллективного присвоения человеческих сущностных сил: и опредмеченных в примитивных орудиях и рисунках, и запечатленных («очеловеченных») в нервном субстрате.

Итак, важным следствием и своеобразным «полем» протосоциального подавления и/или «канализации» инстинктов, их включения в метаинстинкты, симбиотического, коэволюционного или иного сочетания метаинстинктов и прединститутов стали такие

базовые протоинституты, как табу, культ, ритуал, обряд, обычай, а позднее — традиция и привычка. В экстазах полуинстинктивного ритуала, обряда утверждаются две изначальные стороны сознательной жизнедеятельности: отказ от непосредственного удовлетворения животного вожделения (Ю. Бородай удачно назвал это аскезой) и переживание — представление абсолютной сверхъестественной ценности ритуальных, обрядовых *норм*, артикулируемых и осмысляемых как основной миф данной общности (Петров-Стромский 2000, 157).

Подоплека абсолютной ценности тех или иных конкретных протоинститутов и позднее рожденных ими моральных норм достаточно проста — будучи естественно и протосоциально отбираемыми из многих иных и «отшлифовываемая» тысячелетиями, они обеспечивали *выживание рода*, в том числе за счет смертей отдельных особей, а также поддержки уже «нетрудоспособных», как своих живых носителей. Например, *совесть*, понимаемая как личная ответственность индивида перед группой, с позиций филогенеза представляет собой продолжение и развитие на социально-психологическом уровне того биологического феномена, который на стадии формирования и в течение всей истории существования животного стада специфическим образом стимулировал индивидуальные действия особи в пользу всей популяции¹⁵.

Таким образом, протоинституты как целостные образования не являются инстинктами и генетически не наследуются. В рассматриваемый исторический период их юности они не рефлексивны, не предполагают осознанных воспоминаний о прошлом и передачу в знаках и документах, то есть не обладают ключевыми характеристиками собственно институтов. Как противоречивое единство метаинстинктов и прединститутов, они не присущи животным, но наличествуют у всех ближайших предков современного человека, посредством подражания и элементов обучения самовоспроизводятся и транслируются от поколения к поколению, обеспечивая преемственность антропосоциогенеза. Но уже в этот период протоинституциональное *общее* начинает существовать в *особом* и посредством его. Вмещающий ландшафт и климатические условия оказали определяющее влияние на естественные характеристики зарождающихся рас и этносов, способствовали формированию соответствующих особенностей их протожизнедеятельности и протоинститутов¹⁶.

Какова историческая роль протоинститутов? На наш взгляд, они обеспечивают единство и преемственность эволюции рода *homo*, его идентичность по отношению к человекообразным обезьянам, несмотря на особенности многочисленных протосоциальных общностей, являются важными истоками современных общечеловеческих ценностей, единения человека и природы. В революционные эпохи крушения формальных институтов протоинституты препятствуют необратимому срыву общества в тварное состояние, выполняют важную функцию обуздания животных инстинктов, охранения социального от биологического, трансляции социальных по своей природе деятельности паттернов.

Протоинституты — не только сугубо исторический факт, но и современная реальность. Подобно инстинктам, они не уходят в небытие, а продолжают оказывать упорядочивающее влияние на жизнедеятельность. Изначальная закреплённость протоинститутов посредством нервной ткани сохраняется. Следовательно, современный человек, как и его предок, является *непосредственным* носителем протоинститутов, а их генерационная трансляция возможна и необходима только в результате живого и не обязательно вербального контакта, ничем не опосредованной связи между людьми.

¹⁵ Подробнее см.: Гримак Л. и Кордобовский О. (2003). Совесть — эволюционно сложившийся вид аутогенеза // Человек. № 4. С. 41.

¹⁶ Именно специфические традиции в обработке палеолитических орудий рассматриваются некоторыми учеными в качестве оснований для выделения первых этнических провинций (Плахов 1982, 169).

В данном случае речь идет не только о воспитании детей дошкольного возраста, но о взаимоочеловечивании в широком смысле.

Очевидно, именно такому характеру связей адекватно *подражание*, при котором непосредственная трансляция протоинститутов обеспечивает преемственность собственных оснований человека и общества, предохраняет их от резких срывов идентичности. Вербальное же подражание, состоящее в некритическом копировании чужих протоинститутов, запечатленных не в нервном субстрате, а в искусственных носителях (право, закон), чревато образованием поверхностных формальных норм, неадекватных и даже антагонистичных реальным «своим», «почвенным» протоинститутам. Следовательно, опосредованный характер человеческих связей, в том числе опосредованная трансляция, требует более сложных механизмов и процедур, чем протоинституциональное подражание.

СОБСТВЕННО ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУТЫ

Усложнение условий и постепенная индивидуализация охоты, прежде всего на средних и мелких животных, начало их одомашнивания, появление лука и стрел, многочисленных микролитов, углубление специализации орудий труда теперь уже как доминирующих рабочих органов человека, освоение все менее благоприятных территорий, постепенный переход многих общин к сезонно-оседлому образу жизни, утверждение патриархата сопровождались кардинальными сдвигами в протожизнедеятельности и протоинститутах.

Преддеятельность становится все более регулярной, систематичной, и разделенной, начинает развиваться на своей собственной — сознательной — основе и в этом смысле рождает *деятельность*. В то же время в метаповедении происходит дальнейшее усложнение бессознательных инстинктивных реакций, более значимым становится чувственное сознательное и соответствующее ему подсознательное начало. Это означает утверждение *человеческого* поведения. В меру указанных изменений *протожизнедеятельность трансформируется в жизнедеятельность*.

По-прежнему основная масса орудий изготавливается из предметов природы, но уже систематическим становится применение в этих целях искусственных орудий. В процессе их создания удлиняющиеся и усложняющиеся паттерны, как цепочки целенаправленных действий, становятся преобладающими и безусловно ведущими по отношению к бессознательным реакциям и обретают таким образом статус *собственно институтов* (далее — *с-институтов*). Растущему многообразию орудий соответствует многообразие паттернов, начало выделения в них общих, особых и единичных, уникальных составляющих. Невербальные способы их усвоения и трансляции дополняются вербальными. Паттерны всегда опредмечиваются в продукте (орудиях труда, предметах потребления) и/или очеловечиваются в человеке, но только в рассматриваемый период институциональной эволюции человек научается их «прочитывать», распрепредмечивать.

Очевидно, возникновение этой уникальной способности осознавать характер, содержание и последовательность действий творца (изготовителя) «обязано» существенным изменениям паттернов, которые стимулировали развитие в начале простейших мыслительных операций (например, сравнение различных паттернов и составляющих их действий, операций), а затем — и все более сложных. Видимо, начинается осознание таких общих для всех паттернов структурных элементов, как содержание, условия, субъект, характер, санкции, гарант¹⁷, хотя таковому еще далеко до системности.

¹⁷ Подробнее см.: Тамбовцев В. (2004). О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. № 2. С. 108–109.

Под влиянием осознанно развиваемой деятельности утверждается доминирование *традиции* по отношению к табу, культу, обычаю, как не просто *особой реальности*, равноценной особости перечисленных феноменов, а некоего *общего* последних. Преодолевая локальность и автаркичность культа, ритуала, обычая, традиция обеспечивает не только духовную общность расширяющейся общины, ее самоидентификацию в ряду иных общин, но и *упорядочивает*, опосредствует практически всю ее жизнедеятельность. Поэтому впечатляющий перечень функций традиции — фиксирующая, регламентирующая, запрещающая, интегрирующая, информационная, коммуникативная, эвокативная, фасцинации¹⁸ — не может считаться исчерпывающим.

Итак, традиция всеобща и мультифункциональна. Даже паттерны, бурному прогрессу которых традиция обязана своим возвышением, родившись, не могли продолжить свое существование, не будучи освященными ею. Впрочем, и само их рождение, вероятно, требовало освящения. Разумеется, всеобщность традиций не означает их стационарности. Неизбежные изменения традиций, в особенности революционные, как, например, при переходе от матриархата к патриархату, а также их заметные различия у общин, населяющих удаленные территории Ойкумены, сеяли сомнения в их (традиций) незыблемости и священности, инициировали их осознание.

Опредмечивание традиции в сакральных знаках, украшениях, одежде, различных изделиях, ее *олицетворение* в вожде, старейшине, шамане, умение «прочсть» ее содержание в указанных вещах, а также жестах, танцах, расцветке и т.п., утверждение ее вербальной трансляции — все это свидетельства нарастания осознаваемых и сознательных элементов во внутреннем строении традиции. В силу усложнения последней ее усвоение и следование ей чем далее, тем более требует умножения сознательных действий, формируя тем самым духовные предпосылки ее *сознательного изменения*. Вероятно, элементы такового присутствуют уже в кровнородственной общине, в условиях самоуправления и военной демократии, но являются спорадическими, ситуативными и бессистемными. Регулярным же оно становится в *неолитическую* эпоху и связано со многими обстоятельствами, в том числе, с утверждением власти экономически сильных членов общины, осознанием ими своих особых экономических интересов и естественным стремлением к формированию протоинституциональных механизмов их реализации.

Одной из причин неолитической революции Н. Моисеев считал несоответствие норм нравственности открывающимся техническим возможностям, обретенным человеком, иными словами — нарушение глобального *институционально-технического баланса*¹⁹. С помощью изобретенного метательного оружия став монополистом в мире живого, человек довольно быстро уничтожил всех крупнокопытных и мамонтов — основу своего пищевого рациона, и оказался в условиях жесточайшего ресурсного кризиса (Моисеев 2000, 127). Неолитическая революция, таким образом, стала, в известном смысле, необходимым *нравственным* ответом человека на вызовы собственного технического гения, поставившего самого человека на грань выживания.

Она действительно «посрамила» протоинституты собирательства и охотничьего хозяйства, обнажила их ограниченность и пределы. Но утверждение о сопутствующем ей институциональном вакууме было бы некорректным. *Во-первых*, люди не перестали охотиться или использовать дары природы, а потому и востребованность соответствующих протоинститутов не исчезла. К тому же их общечеловеческая составляю-

¹⁸ Подробнее см.: Плахов В. (1982). Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль. С. 97–110.

¹⁹ Т. Веблен одним из первых обратил внимание на нарастание конфликтов между технологией, воспринимаемой как некий прогрессивный фактор, и институтами, как хранилищами традиционных социальных норм, верований и законных имущественных прав (Сэмюэлс 2007, 113).

щая («не убий», «не укради» и т.п.) оказалась незыблемой, иначе была бы утрачена преемственность *человеческого* развития.

Во-вторых, указанные протоинституты оказались нежизнеспособны не абсолютно, а в сравнении с уже родившимися, но еще не зрелыми с-институтами²⁰. Очевидно, последние катализировали революционный перелом. Вполне вероятно, и что определенное изменение ряда протоинститутов создало для него некоторые необходимые предпосылки. Это изменение было не достаточным для предотвращения глобального институционально-технического дисбаланса, но необходимым для его последующего восстановления. *В-третьих*, революционные сдвиги, в свою очередь, существенно ускорили трансформацию донеолитических протоинститутов и «взросление» новых с-институтов.

Субстанционально неолитическая революция связана с самоутверждением жизнедеятельности на деятельностных основаниях. Его наиболее характерные признаки хорошо известны — разделение труда и постоянное, систематическое производство прибавочного продукта. Имеются достаточно обширные сведения об их взаимосвязях, а также о первых трех крупных этапах разделения труда. В частности, признается, что именно последнее обеспечило производство прибавочного продукта и, в свою очередь, было катализировано им. Менее разработан *деятельностный* контекст неолитических сдвигов, что неизбежно сказывается на качестве осмысления их институциональной составляющей. Если исследование изначально ограничивается сферой материального производства, то откуда берутся институты?

История убедительно свидетельствует, что сознательное и целенаправленное воздействие человека на природу и на самого себя являются не столько последовательными, следующими друг за другом процессами, сколько параллельными и взаимообусловленными. Поэтому и жизнедеятельность с момента своего рождения предстает *опредмечивающе-очеловечивающей*. Относительное обособление этих составляющих, утверждение их специфического содержания и особых форм является важнейшим неолитическим сдвигом. Выражаясь философским языком, именно благодаря этому двуединству жизнедеятельность узнает себя в себе, отличает себя от поведения животных и таким образом переходит из состояния «в себе» в состояние «для себя».

Разделение опредмечивания есть разделение его субъектов, предметов, орудий, технологий, операций, действий, продуктов и, конечно, паттернов, как простейших *собственно наноинститутов*. Именно носители последних выступили активными субъектами отбора из многочисленных протоинститутов, адекватных себе и соответствующему виду опредмечивания. Собственно наноинституты стали основанием и предпосылкой сознательного выбора и изменения наличных протоинститутов; формирования собственно микро- и мезоинститутов, упорядочивающих соответственно земледельческую, скотоводческую, ремесленную деятельность, а также экономическую деятельность общины в целом.

На фоне признания грандиозности первых трех этапов разделения труда как опредмечивания относительно недооцененным экономистами оказался подобный процесс в очеловечивании. Между тем историческая наука не оставляет сомнений в том, что неолитическая эпоха является и эпохой крупного *разделения очеловечивания*. В последнем достаточно определенно выделяются общественно (социо) очеловечивающая и биоочеловечивающая²¹ составляющие, а в первой — наряду с духовной, политической и социальной — институциональная.

²⁰ С-институты суть результат сознательной деятельности, и в этом смысле они близки прагматическим институтам К. Менгера.

²¹ Ритуальные танцы и движения, охота и обучение ее приемам, практика разделки туш убитых животных и тому подобные поведенческие и преддеятельностные акты стали необходимыми историческими предпосылками рождения в неолите прообразов будущих медицины, физической культуры и спорта как более конкретных видов биоочеловечивания.

О зародышевом состоянии *институциональной деятельности* в протоинституциональную эпоху свидетельствует появление ее первых незрелых продуктов — паттернов, включенных в цепочки инстинктивных реакций. В последующем ее содержание усложняется: более развитые паттерны становятся доминирующими по отношению к поведенческим актам, существующие протоинституты начинают осознанно изменяться. Но, вероятно, моментом ее *рождения* следует считать начало сознательного творения *собственно институтов как определенных порядков, а потому и способов упорядочения жизнедеятельности* той или иной общности, прежде всего общины.

Рождение институциональной деятельности является объективным следствием и результатом разделения человеческой жизнедеятельности, нарастания значимости в последней рукотворной, искусственной природы, не подверженной в потребной степени протоинституциональному упорядочению, а также обострения противоречия между нарастающим динамизмом человеческой деятельности и известной консервативностью наличной протоинституциональной универсумики. Изначально институциональная деятельность стала важным элементом движения указанного противоречия, неизбежной спутницей и опосредованного очеловечивания в рамках опредмечивания, и непосредственного очеловечивания в рамках очеловечивания, ибо ни то, ни другое уже не могли прогрессировать в протоинституциональном пространстве, лишенном с-институтов. Вероятно, первоначально субъектами последней были и скотоводы, и земледельцы, и ремесленники, и старейшины, одним словом, в той или иной мере практически все члены общины. Но по мере углубления разделения жизнедеятельности, усложнения самой институциональной деятельности круг субъектов ее зрелых форм стал сужаться, причем, возможно, уже в неолите происходит определенное закрепление ее отдельных функций за вождями, старейшинами, шаманами и другими «нерядовыми» членами общностей²².

Родившаяся институциональная деятельность активно интегрируется с протоинституциональной составляющей человеческого поведения и образует *институциональную жизнедеятельность*. Содержанием последней становятся осознанная трансформация протоинститутов, сознательное творение с-институтов, отбор необходимых с-институтов и протоинститутов²³, их интеграция, а важнейшим результатом — *институты, как противоречивое единство инстинктивной, протоинституциональной и собственно институциональной составляющих*.

Хотя в неолите протоинституциональное упорядочение жизнедеятельности остается доминирующим, в меру ее усложнения возрастает упорядочивающая роль институтов. Разумеется, их специфическое содержание определяется не самой институциональной деятельностью, а ее взаимодействием с тем или иным конкретным видом деятельности, будь то экономическая, духовная, социальная или политическая, и соответствующим видом человеческого поведения.

Так, в неолите существенно интенсифицируются рост и расширение общины, межобщинные контакты и взаимодействия и связанные с этим поиск и реализация *нетрадиционных* способов ведения общественных дел, аккумуляции и распределения прибавочного продукта в интересах общины. Очевидно, представленная в этих конкретных формах (действиях) деятельность является *политической* — *собственно общественной, упорядочивающей жизнедеятельность той или иной общности как целостности*. С усложнением социальной структуры важной формой политической деятельности

²² С известной мерой условности этот процесс может быть представлен как постепенный переход от физических функций к статусным, по Дж. Серлу (Серл 2007, 13).

²³ Очевидно, институциональная жизнедеятельность наследует также подсознательное и неосознанное формирование новых протоинститутов.

становится согласование, оптимизация действий и интересов различных социальных образований (каст, слоев, групп, страт), объединенных в данную общность тем или иным образом (мирным или насильственным). Потребные для этого с-институты продуцируются *политико-институциональной* деятельностью.

Социальная деятельность изначально «ответственна» за формирование указанных социальных образований и упорядочение жизнедеятельности каждого из них. Очевидно, ее сложность и многообразие адекватны процессам социальной стратификации по многим направлениям — имущественному, демографическому, этническому, религиозному и т.п. Но в любом своем «обличье» она становится политической лишь в той мере и постольку, в какой мере и поскольку отвечает интересам и целям, упорядочению жизнедеятельности общности как целого. В противном случае деятельность тех или иных *социальных* субъектов (принадлежащих к соответствующему социальному образованию) является неполитической, а иногда — аполитичной²⁴.

Подчиняясь собственным потребностям и интересам, правящая верхушка социальных образований становится активным субъектом *социально-политико-институциональной* деятельности — трансформации традиций и сознательного творения *микроинститутов*, призванных упорядочивать жизнедеятельность данного конкретного образования, отличать ее от других, и соответствующих *мезоинститутов*, которые, по замыслу их творцов, должны были бы обеспечить потребную им (творцам) жизнедеятельность общности в целом²⁵. Вероятно, политические с-институты первоначально, в условиях безусловного доминирования эгалитарности, формируются непосредственно, а позднее — становятся результатом взаимодействия микроинститутов различных социальных групп.

Соответствующим образом усложняется институциональная универсумика. Ее неотъемлемой составляющей становятся различные взаимосвязи между микроинститутами, между мезоинститутами и микроинститутами. Иными словами, рождаются многочисленные *простые комплексы* институтов и их взаимосвязей. Характер институтов (нормативные, запрещающие, обязывающие и т.д.) и их взаимосвязей (генерационные, сукцессионные, симбиотические и т.д.) не может быть умозрительным и требует тщательных конкретно-исторических исследований.

Сознательная трансформация протоинститутов и формирование с-институтов, во-первых, сыграли роль катализаторов роста *многообразия* общностей, а во-вторых, улучшили возможности *укрупнения* общностей, которое осуществлялось ранее и продолжалось в неолите преимущественно на этнической основе (например, объединение этнически близких общин). Именно в неолите начинают формироваться достаточно крупные и сложноорганизованные самоуправляющиеся территории и общины, племенные союзы и «конфедерации», вождества и иные образования, которые, оставаясь догосударственными и/или негосударственными, демонстрируют рождение и вызревание *протогосударственных* качеств.

Речь идет не только о первых признаках известной «триады» — элементах территориальности, протоналогах (в виде дани, подарков, гостеваний и т.п.) и зародышах бюрократического аппарата. Сознательное институтообразование становится хотя

²⁴ Указанные родовые признаки политической и социальной деятельности являются важным критерием их разграничения в современных условиях, когда обычным делом являются безуспешные попытки отдельных социальных групп представить собственную узко социальную деятельность как политическую со всеми вытекающими отсюда негативными общественными последствиями. Впрочем, в равной мере нежелательны как чрезмерная политизация социальных институтов и чрезмерная социализация институтов политических, так и недооценка политической направленности социальных институтов и социального контекста институтов политических.

²⁵ Разумеется, сознательное творение микро- и мезоинститутов опиралось на соответствующие микро- и мезопротоинституты.

пока и не профессиональным, но все более регулярным и систематичным, на фоне социальной стратификации все четче выделяются высший, элитарный и низший слои, появляются признаки управленческой деятельности и идеологии. Власть, как *подчинение*, принуждение и господство, оставаясь преимущественно протоинституциональной, т.е. основанной на традициях, и деперсонифицированной, начинает шаг за шагом присваиваться укрепляющейся элитой, персонифицироваться и обретать черты осознанного и не традиционного принуждения. Властные протоинституты постепенно вытесняются властными с-институтами и институтами.

Неолитические институты не только продуцируются, функционируют и развиваются, но являются объектами присвоения и обмена. Если принять во внимание, что институты, в том числе паттерны, *очеловечиваются*, становятся неотъемлемой составляющей сущностных человеческих сил, то характер присвоения первых практически не отличается от характера присвоения последних. Микроинститутам адекватно индивидуально-групповое присвоение, мезоинститутам — индивидуально-коллективное, а нано- и самоинститутам — преимущественно личное с потенциальной перспективой индивидуально-группового (коллективного)²⁶. Но как быть в случае, если формальные институты отторгаются, не очеловечиваются? Объясним ли этот довольно часто встречающийся феномен в категориях «присвоение — отчуждение»? На наш взгляд, имеющиеся исторические материалы, относящиеся к неолитической революции, достаточны только для постановки данной проблемы. Кроме того, она (революция) не дает убедительных массовых примеров частного присвоения очеловеченных сущностных сил и институтов.

Массовыми являются примеры иного рода. С развитием разделения жизнедеятельности масштабы обмена ею возрастают, а в нем самом достаточно очевидными становятся три взаимосвязанных составляющих: 1) обмен между опредмечиванием и очеловечиванием²⁷, а в его рамках — обмен опредмеченных и очеловеченных сущностных сил, в том числе опредмеченных сил и институтов; 2) обмен между различными видами опредмечивания, обмен продуктами труда, т.е. товарами; 3) обмен между различными видами очеловечивания, в его рамках — обмен очеловеченными сущностными силами, в том числе институтами и протоинститутами. Например, убедительно доказаны многочисленные факты обмена между общинами не только товарами, но и паттернами (например, способами обработки различного сырья) (Румянцев 1985, 118). Разумеется, степень зрелости указанных составляющих нельзя переоценивать. Каким бы взрослым ни казался ребенок, он все же остается ребенком.

Итак, содержание, характер, результаты и направленность произошедших *качественных* институциональных изменений позволяют трактовать их совокупность как **институциональную революцию**. Она начинается и разворачивается в революционном неолите. Но завершается ли она с его окончанием? Ответ не может быть умозрительным и требует дальнейших исследований. Пока же ясно одно — неолитические институты являются результатом предшествующей эволюции инстинктов, прото- и с-институтов (см. рис. 1).

²⁶ Мера условности различения индивидуально-группового и индивидуально-коллективного присвоения определяется известной условностью различий группы и коллектива. Здесь предполагается, что в иерархии человеческих общностей коллектив обладает более значимым статусом. В частности, если для группы характерны в большей мере *сходные*, чем *совместные*, условия, процесс, орудия, предметы и результаты жизнедеятельности, то для коллектива — в большей мере *совместные*, чем *сходные*. Следовательно, в индивидуально-групповом присвоении более развит узко личностный, эгоистический момент.

²⁷ Об основаниях такого обмена пока можно лишь строить различные предположения. Возможно, таковым является *принцип эквивалентности обмениваемых сущностных человеческих сил*. Тогда принцип эквивалентного обмена *товаров* является его частным случаем.

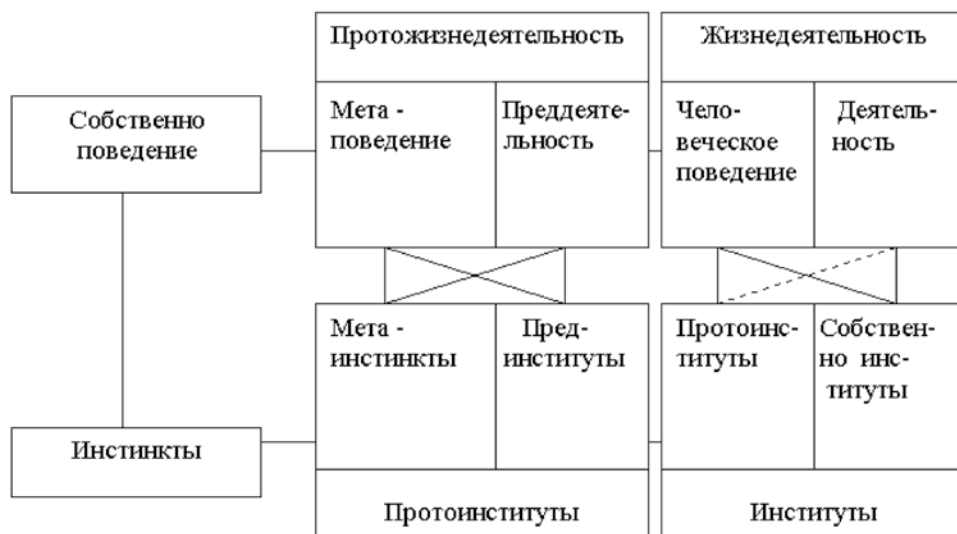

Рис. 1. Схема институциональной эволюции

Каждый из обозначенных на рисунке 1 феноменов продолжает существовать относительно самостоятельно и выполнять те или иные функции упорядочения только ему присущим способом. В то же время он становится элементом исторически более позднего и сложного образования: инстинкты интегрируются в метаинстинкты и протоинституты; прединституты — в протоинституты и с-институты; инстинкты, прото- и с-институты — в институты. Разумеется, речь идет об интеграции не столько ассимиляционной, сколько синергетической. Поэтому институт — феномен гораздо более сложный, чем простая сумма составляющих его элементов, а его генерационная трансляция требует активного взаимодействия сознательного, под- и бессознательного начал человеческой жизнедеятельности. Очевидно, с учетом усложнения постнеолитической эволюции человечества содержание и строение институтов отнюдь не упрощается. Впрочем, это еще нужно доказать.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О. (2005). Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ. М.: Наука.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Вельков В. (2003). Куда идет эволюция человечества? // Человек. № 2.
- Гримак Л. и Кордобовский О. (2003). Совесть — эволюционно сложившийся вид аутогенеза // Человек. № 4.
- Ефимов В. (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. № 8.
- Моисеев Н. (1999). Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. № 4.
- Моисеев Н. (2000). Системная организация биосферы и концепция коэволюции // Общественные науки и современность. № 2.
- Нуреев Р. (2007). Торстейн Веблен: взгляд из XXI века // Вопросы экономики. № 7.
- Ольсевич Ю. (1999). Социология Питирима Сорокина и экономические трансформации // Вопросы экономики. № 11.

Петров-Стромский В. (2000). Три эстетики европейского искусства // Вопросы философии. № 10.

Плахов В. (1982). Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль.

Румянцев А. (1985). Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (политико-экономические очерки). М.: Наука.

Румянцев А. (1981). Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство (политико-экономические очерки). М.: Наука.

Сэмюэлс У. (2007). Торстейн Веблен как экономист-теоретик // Вопросы экономики. № 7.

Серл Дж. (2007). Что такое институт? // Вопросы экономики. № 8.

Сорокин П. (1992). Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.

Степин В. (2003). Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. № 8.

Тамбовцев В. (2004). О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. № 2.

Тарасевич В. (2004). Институциональная теория: методологические поиски и гипотезы // Экономическая теория. № 2.

Тарасевич В. (2002). Экономическая синергетика: концептуальные аспекты // Экономика і прогнозування. № 4.

Ходжсон Дж. (2000). Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. № 1.

Ходжсон Дж. (2007). Что такое институты? // Вопросы экономики. № 8.

Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело.

Хольцман Л. (2006). Как сделать постмодернизм деятельностью // Вопросы философии. № 12.

Шалютин Б. (2003). Общество произошло от обезьяны. Проблемы начала и «верхней границы» антропосоциогенеза // Человек. № 3.

Шаститко А. (2003). Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 1.

Veblen, T. (1961). Why is Economics not an Evolutionary Science? In: Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. New York: Russel and Russel.